

МОРАЛЬ И ПРАВО: ЛИНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье дается краткий обзор исторических подходов и современных взглядов на проблему соотношения морали и права. Показано, что как в текущей отечественной литературе, так и в общественном сознании преобладающим является взгляд, согласно которому мораль, будучи шире и выше права, выступает его пределом и ограничением. Автор показывает историческую обусловленность такой точки зрения. Предлагается подход, согласно которому мораль и право, имея дело с одним и тем же предметом — поступками живых индивидов и персонально фиксированными отношениями между людьми, представляют собой независимые друг от друга, автономные формы долженствования. Делается вывод, что право рассматривает отношения между людьми как двусторонний процесс и опосредует их всеобщей нормой и независимым правосудием, мораль же вменяет их в вину и ответственность самому действующему индивиду.

Ключевые слова: мораль, право, этика, свобода, поступок, ответственность, Кант, Бахтин.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.007-022

Проблема соотношения нравственности и права, как показывает общий обзор теоретических и литературных опытов ее осмысления, больше интересовала юристов, чем этиков. Она для них была и в значительной мере до настоящего времени остается одной из ключевых в теории права. Дело не просто в том, что данной проблеме уделяется большое внимание со стороны юристов, более важно то, что существует достаточно четко выраженная тенденция рассматривать ее как базовую при осмыслении сущности права¹.

1

Исторически, начиная с Аристотеля и кончая Кантом и Гегелем, право рассматривалось в рамках философско-этических представлений о природе человека и в непосредственной соотнесенности с моралью. Неудивительно, напротив, показательным, что отличительным признаком юридического позитивизма, разрывающего с классической традицией и претендующего на то, чтобы быть научной теорией права, является его демонстративная этическая нейтральность, подход к праву как

¹ Как пишет Г. Ф. Шершеневич, «в отграничении права от нравственности некоторые справедливо усматривали правильный метод к выяснению сущности права» (Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Издание бр. Башмаковых, 1910. С. 215—216). По-другому, но ту же мысль формулирует современный автор: «Проблема соотношения права и морали (нравственности) относится к числу ключевых в философии и теории права. Глубина и оригинальность в подходе к решению именно этого вопроса в значительной мере определяют вклад исследователя в развитие философско-правового знания» (Лапаева В. В. Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 242).

© Гусейнов А. А., 2018

* Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, доктор философских наук, академик РАН, Институт философии РАН
guseinov@iph.ras.ru
109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная д. 12/1

к сущему, в отвлечении от того, чем оно должно быть. В этом отношении показательна дискуссия конца 1950-х гг. между профессорами Г. Хартом² (Оксфорд) и Л. Фуллером³ (Гарвард) по вопросу о том, можно ли считать законодательство нацистской Германии правом с тем вытекающим отсюда последствием, согласно которому оно может, обязывает юридически оправдать совершаемые в его рамках очевидно аморальные поступки. Конкретно речь шла о случае с женщиной, которая в годы нацизма, увлеченная любовником, решила избавиться от мужа и донесла о его законодательно караемых критических высказываниях в адрес Гитлера. Харт, будучи сторонником юридического позитивизма, вынужденно и с сожалением признавал, что законодательство эпохи нацизма тоже было правом, и судьи, хотя и действуют в посленацистской Германии, не могут с этим не считаться. Но, понимая, что такой вопиющий случай аморализма не может остаться без правового осуждения и в то же время, будучи убежденным в том, что такое осуждение не может основываться ни на чем ином, кроме права, что, в частности, прямая апелляция к морали не может и не должна быть аргументом для суда, он предлагал следующую выход: придать обратную силу закону, осуждающему донос, и по нему судить эту женщину. Такое решение, считал он, хотя само по себе и ущербно, но тем не менее позволяет остаться в рамках законности, избавляя от необходимости прямо апеллировать к моральным критериям. Л. Фуллер был сторонником естественного права⁴; исходя из убеждения, что право обладает внутренней моральностью и нацистское законодательство нельзя признавать за право. Если Харт считал принципиально важным не смешивать существующее право с правом, каким оно должно быть, и принимал в расчет только первое, полагая только такой подход научным, то Фуллер рассматривал право как род социального конструирования, в котором сущее неразрывно связано с должным. Важно подчеркнуть: острием теоретических расхождений является именно разное понимание того, как право связано с моралью.

Проблема моральности права находилась также в центре российской философии права. И. А. Михайловский в работе «Очерки философии права» (1914) существующие ответы на этот вопрос свел к четырем типам. Согласно первому типу между моралью и правом нет никакой значимой разницы по содержанию; каждому нравственному требованию может быть придана правовая (юридическая) форма. Именно законодательная форма создает право, а будет или нет придана норме такая форма, зависит от целесообразности. Из такого взгляда на право, считает Михайловский, исходит практика полицейских государств, к нему же примыкают психологические правовые теории, согласно которым правовые переживания принципиально не отличаются от нравственных.

Второй тип решения проблемы прямо противоположен первому и считает, что право и нравственность не имеют между собой ничего общего. В качестве образца приводится позиция Фихте, который выводит право из самостоятельного природного источника, а не из нравственных начал. Такой подход лег в основу теорий правового государства, нацеленных на ограждение личной и общественной жизни людей от вмешательства государства.

Третий тип решения проблемы исходит из родства нравственности и права, совпадения значительной части их норм и рассматривает право как минимум нравственности. По мнению Еллинека, таким минимумом являются те нравственные требования, которые в соответствующую эпоху считаются безусловно необходимыми для общества и потому должны быть гарантированы авторитетом и силой государства. В. С. Соловьев, придерживавшийся такого же взгляда, рассматривал право как первую, низшую ступень нравственного совершенствования и порядка, призванную блокировать определенные проявления зла.

Еще один (четвертый) типовой взгляд на интересующий нас предмет состоит в том, что право и нравственность различны и вполне самостоятельны в этом различии: право регулирует внешнюю свободу человека и имеет принудительный характер, нравственность —

² Харт Г. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 104—136.

³ Фуллер Л. Позитивизм и верность праву. Ответ профессору Харту // Правоведение. 2005. № 6. С. 124—159.

⁴ О том, в какой мере Фуллер может считаться сторонником естественного права, см.: Лапаева В. В. Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 241—256.

внутреннюю свободу и опирается на голос совести. Хотя они родственны и ведут к одной и той же цели, они тем не менее вполне независимы друг от друга, так как движутся разными путями и при помощи различных средств. Их воздействие друг на друга является взаимным. Резюмируя свою классификацию, Михайловский предлагает следующий схематический ряд: «1-й тип — право и нравственность это два круга совпадающие; 2-й тип — два круга, стоящие рядом; 3-й тип — два круга концентрических и, наконец, 4-й тип — два пересекающихся круга: часть пространства общая для обоих кругов»⁵. Сам Иосиф Викентьевич Михайловский, как и его учитель, выдающийся правовед Б. Н. Чичерин, придерживался последнего типа теорий, считая именно его правильным: «Таким образом безусловно необходимо взаимодействие права и нравственности. Ввиду родственности обеих областей и ввиду того, что некоторая часть норм юридических и нравственных имеет общее содержание, оказывается невозможным провести между ними резкую и точную границу раз и навсегда. Тем не менее из некоторой подвижности границы вовсе не следует, что ее можно передвигать чересчур далеко. Руководящими началами могут быть следующие: 1) право не должно предписывать действий, безусловно запрещаемых нравственностью; 2) право может запрещать *некоторые* безнравственные поступки, но лишь тогда, если ими нарушаются чужие права, и 3) право должно весьма и весьма остерегаться *предписывать совершение* нравственных поступков»⁶.

Насколько можно судить при общем знакомстве с современной литературой по вопросу о соотношении права и морали, в ней с разной степенью полноты и последовательности представлены все выделенные И. В. Михайловским типовые модели их соотношения (может быть, за исключением лишь акцентированного юридического позитивизма). Не претендуя на их конкретный обзор, хотелось бы отметить две тенденции, одна из которых рассматривает право как автономную систему, другая — как непосредственно связанную и зависимую от морали.

Говоря о первой тенденции, следует назвать концепцию С. С. Алексеева, по мнению которого мораль и право, выделяясь в системе социального регулирования в качестве основных его форм, являются вполне самостоятельными, независимыми друг от друга («суверенными») и взаимодействуют именно в этом качестве. Они рядоположены в том отношении, что между ними нет некой изначально заданной генетической или субстанциональной зависимости: «Право и мораль при всем их глубоком единстве — явления, которые в рамках единой нормативной системы регулирования не находятся в одном ряду. Они не могут состоять в такой прямолинейной связи, когда одно (мораль) является основным и исходным, а другое (право) производным и зависимым. Право и мораль — два своеобразных, самостоятельных института социального регулирования, они взаимодействуют, но взаимодействуют именно как особые, суверенные явления, каждое из которых при опосредовании общественных отношений выполняет свои особые функции и имеет свою особую ценность»⁷. (Основное различие между ними он видит в том, что мораль рассматривает поведение индивидов изнутри, в тесной связи с их духовными началами, а право — с внешнеобъективированной стороны и с опорой на принудительные механизмы).

Еще более определенно и последовательно точку зрения автономности права, его самостоятельности как социальной системы и независимости от моральных, религиозных или каких-либо иных внеправовых ценностных начал проводит академик В. С. Нерсисянц. Он, как известно, разработал цельную правовую теорию, названную им либертарно-юридической, согласно которой право базируется на принципе формального равенства, что и является его сквозным отличительным признаком. Смысл принципа формального равенства выражается в таких формально-содержательных характеристиках, как формально-всеобщая равная мера, свобода, справедливость, благодаря чему этот принцип «приобретает свое правовое свойство, свое специфическое качество именно правовой формы, отличной от всякой другой формы, от формы моральных, религиозных или принудительно-приказных (сило-

⁵ Михайловский И. В. Очерки философии права. Томск : Издание книжного магазина В. М. Посохина, 1914. Т. 1. С. 160.

⁶ Михайловский И. В. Указ. соч. С. 166.

⁷ Алексеев С. С. Теория права. М. : Бек, 1995. С. 136.

вых, произвольных) отношений и т.д.»⁸. В рамках такого взгляда право, хотя и связано всегда с законами, но не тождественно им и выступает по отношению к ним также как род должностования. Замечательная особенность этой теории состоит в том, что она исключает саму возможность постановки вопроса об ограничении права во имя свободы в моральном или каком-нибудь ином смысле, ибо само право понимается как единственно возможная формально-всеобщая мера свободы.

Идея автономности права лежит также в основе концепции конституционализма известного исследователя и адвоката П. Д. Баренбойма, который, в частности, пишет, имея в виду конституции 4-го поколения, воплощающие высшее право и в этом качестве выступающие основой для противостояния «неправовым» законам: «Основной ресурс для пересмотра неконституционных действий властей заключен в конкретно указанных в тексте Основного закона доктрине, принципе, понятии Правового государства, которое теоретически в любой конкретный момент дает возможность сравнить идеальный образ правового государства с существующей, нередко крайне мрачной, неправовой действительностью. Здесь де-юре и де-факто встречаются в постоянном диалектическом противоречии, из которого и вытекает конституционное и вообще любое развитие страны»⁹.

Другая тенденция выдержана в духе естественного права и рассматривает нравственность как необходимое основание и ограничение права. Одна из специальных работ, посвященных данной теме, а именно монография члена-корреспондента РАН Г. В. Мальцева, так и называется «Нравственные основания права»¹⁰. Известная исследовательница, член-корреспондент РАН Е. А. Лукашева, внесшая огромный вклад в разработку проблемы соотношения права и морали, предпочитает выражаться более осторожно и говорит не о нравственных *основаниях*, а о нравственном *измерении* права: «Тесная связь права и морали, однородность ряда их свойств дают

основания для важных выводов, главным из которых является органическая необходимость морального измерения права. Тесная связь правовых и моральных норм наиболее убедительно проявляется в том, что мораль выступает в качестве ценностного критерия права. Оценка правовых систем в категориях морали — один из важнейших аксиологических критериев права»¹¹.

Формула о морали как основании или измерении права сама по себе является слишком общей и может существенно видоизменяться в зависимости от того, как конкретно понимается характер взаимодействия этих двух основных ценностно-регулятивных общественных механизмов, в частности, в какой мере определяющее воздействие морали на право может быть прямым и внешним или оно всегда должно быть внутренним, интегрированным, выраженным на языке самого права. Однако она и до возможной конкретизации обладает концептуальной определенностью, подчеркивая принципиальную связанность права с моралью. Такой подход имеет широкое распространение, возможно, становится преобладающим. Неким индикатором, позволяющим делать такой вывод, является точка зрения Председателя Конституционного Суда РФ, профессора В. Д. Зорькина, свидетельствующая, впрочем, об эволюции не только правовой мысли в стране, но отчасти и собственных взглядов автора. В статье «Суть права» он пишет, что «право, нравственность и религия — это внутренне взаимосвязанный соционормативный комплекс. И что наука, правовая теория и практика должны исходить из понимания этой имманентной взаимосвязи. Я не имею в виду смешение разных научных категорий, выражающих соответствующие явления общественной жизни, а говорю лишь о том, что слишком явный отрыв права от морально-нравственных регуляторов не только снижает эффективность его действия, но и чреват опасным подрывом фундаментальных основ человеческого общежития». И далее: «Думаю, что поворот теории права

⁸ Нерсисянц В. С. Право // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 3. С. 308.

⁹ Баренбойм П. Соотношение доктрин Верховенства права и Правового государства как главный вопрос философии права и конституционализма. М. : ЛУМ, 2013. С. 32—33.

¹⁰ Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Норма, 2008. 550 с.

¹¹ Лукашева Е. А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали : материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. С. 17.

к некой новой версии юснатурализма давно назрел»¹².

Усиливающийся в отечественном правоведении интерес к естественному праву и в целом к моральным аргументам не является специфически российским явлением. Юридический позитивизм даже в Германии, на своей родине, испытывает большие трудности в связи с вызовами, возникающими на основе новых технологий, но в особенности в связи с общественными коллизиями и стихийными всплесками страстей на почве мультикультурализма¹³. Оказывается, независимость права от морали является относительной, и помимо внутренней моральности самого права и его нравственного значения самого по себе, возникает необходимость в прямых аргументах за собственными узкими пределами права¹⁴.

2

Позиция правоведов, рассматривающих мораль как некую точку отсчета для понимания права и в этом смысле как его основание, в значительной мере навязана интеллектуальной традицией, которая считала законодательство делом философов и видела в праве выражение и продолжение естественного нравственного закона. Уже древние софисты, противопоставившие произвольный и вариативный мир человеческих установлений необходимости и всеобщности природных требований, задали ценностную иерархию, где вторые главенствуют над первыми. Хотя в последующем философы, если брать преобладающую тенденцию, отвергли субъективизм софистов в толковании человеческих установлений, они тем не менее сохранили их мысль о приоритете природы и уже самую человеческую добродетель пытались осмыслить как нечто необходимо-всеобщее и в этом смысле соразмерное природе. В рамках такой общей конструкции право ин-

терпретировалось как следствие человеческой добродетельности: разумность человека находит выражение в его добродетельности, а эта последняя — в законодательном оформленном человеческом общежитии. Так, Аристотель считал этику как учение о высшем благе и добродетельном пути к нему основополагающей наукой по отношению к законодательной основе общества. По его мнению, справедливость, понятая как законосообразность (общая справедливость), и нравственная добродетель тождественны: справедливость есть та же добродетель, только взятая не сама по себе (не безотносительно), а по отношению к другим. При этом добро выше и корректирует право в той части, в какой в нем имеются упущения из-за всеобщности формулировок¹⁵.

Другой выдающийся исследователь практического разума, по масштабу и влиянию на европейское сознание сопоставимый с великим Аристотелем, Кант, также признавал родовое единство морали и права: они имеют в своей основе один и тот же практический закон свободы, отличаясь между собой тем, что в качестве юридического (правового) он касается внешних поступков (включая и их максимы), а в качестве морального он сам становится определяющим основанием поступков, выступает как чистое долженствование. Мораль и право отличаются между собой не обязанностями, но способом обязывания, при этом, если право связывает с законом только внешние обязанности, то мораль, опираясь единственно (исключительно) на внутренний мотив долга, имеет отношение также к внешним поступкам, охватывает все обязанности¹⁶. По Канту, юридическое законодательство также оказывается косвенно этическим. Этическое законодательство выше юридического, так как задает ему канон в виде морального закона. Кроме того, сфера этического шире юридического: она

¹² Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 5—16.

¹³ См. материалы дискуссии: *Recht und Moral* // Spektrum. Universität Bayreuth. 10. Jahrgang. Ausgabe 1. April 2014. S. 7—45.

¹⁴ Как пишет профессор О. Лепсиус, «один из основных вопросов философии права, выбор между позитивизмом и естественным правом, нельзя решить без учета формы государства» (*Lepsius O. Von der Diktatur zur Demokratie Überlegungen zum Verhältnis von Naturrecht und positivem Recht* // Spektrum. Universität Bayreuth. 10. Jahrgang. Ausgabe 1. April 2014. S. 7).

¹⁵ «Право и добро тождественны, и при том, что то и другое тождественны, добро выше» (*Аристотель. Никомахова этика* // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. С. 168).

¹⁶ «Этическое законодательство делает и внутренние поступки обязанностями, не исключая при этом, однако, и внешние поступки: это законодательство касается вообще всего, что есть долг» (*Кант И. Метафизика нравственности* // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4 (2). С. 126—127).

имеет свои особые обязанности (обязанности по отношению к самому себе) и некую область внешних обязанностей, не подпадающих под юридическое законодательство, к каковым Кант относит обязанности благоволения.

И Аристотель, и Кант, хотя каждый из них в контексте своего этического учения высказывает мысль, что мораль шире и выше права, и вообще, их мысль движется от морали к праву, тем не менее исходят из их основополагающего единства, принципиальной симметрии, соразмерности, со-масштабности. В русской философии, отражающей, закрепляющей и санкционирующей некую особенность национальной ментальности, данная симметрия значительно более заметно смещается в сторону морали. Типичной в этом отношении является уже упоминавшаяся позиция В. С. Соловьева. Она характеризуется тем, что Соловьев отвергает, с одной стороны, нигилистический подход к праву как к замаскированному злу, а с другой — апологетический подход, придающий праву абсолютное самоценное значение. Эти крайние позиции, считает он, по существу, снимают проблему взаимоотношения нравственности и права как вредную или излишнюю, а между тем она имеет существенное значение для практической философии. Внутренняя связь между ними, их единство обнаруживаются в процессе нравственного совершенствования человека. Они представляют собой два конца восходящего пути от права к нравственности. Право при таком понимании выступает как низшее звено, минимум нравственности¹⁷, его задача — лишь не дать злему человеку стать злодеем и удержать погрязший во зле мир от того, чтобы он «до времени не превратился в ад»¹⁸.

Позиция Соловьева вызвала многочисленные отклики, среди них особо выделяется критика со стороны Б. Н. Чичерина, полемика с которым стала важной страницей в его творчестве, как и в целом в интеллектуальной биографии России. По мнению Чичерина, право представляет собой «самостоятельное начало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека»¹⁹. Он видел опасность

сближения права и нравственности в том, что это открывает дорогу нравственным аргументам в праве и принудительным мерам в нравственности. В частности, опасность нравственных аргументов в праве он видел в том, что они могут стать прикрытием государственного произвола. Нравственное начало государства заключается в том, что оно управляется законом. Позиция Чичерина в данном споре, как и в целом его философско-правовая концепция, оказала заметное влияние на последующую русскую правовую мысль. Но она не затронула сколько-нибудь заметно этическую мысль России. Последняя прямо или косвенно двигалась в русле соловьевских идей и рассматривала право сквозь призму нравственности, как нечто вторичное по отношению к ней.

Что касается современной (текущей) этической литературы, то в ней проблеме соотношения морали и права уделяется значительно меньше места, чем в правоведческой. Меньше не просто в количественном отношении, хотя, судя по всему, и в этом тоже, а прежде всего в качественном. Осмысление специфики морали, ее обоснование, теоретическая интерпретация осуществляются вне прямого соотнесения с правом. После упомянутого выше спора между Соловьевым и Чичериным проблема отношения нравственности к праву не становилась предметом философско-этических дискуссий. В существующих этических систематизациях соотношение морали с правом — это в лучшем случае одна из тем, к тому же не центральных. В последнее время появились считающиеся авторитетными учебники этики, где эта тема вообще не фиксирована в форме главы, параграфа или более мелкого подраздела. В содержательном плане авторы, как правило, исходят из того, что мораль и право взаимодействуют между собой, но взаимодействуют так, что ведущей стороной является мораль. Так, в одной из последних работ на эту тему читаем: «При отсутствии гармонии между нормами права и морали предпочтение необходимо предоставить моральным требованиям как более высоким»²⁰. Оригинальной в своей типичности является точка зрения профессора В. М. Арте-

¹⁷ «Право есть низший предел или определенный минимум нравственности» (Соловьев В. С. *Оправдание добра* // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 1. С. 448.)

¹⁸ Соловьев В. С. *Указ. соч.* С. 454.

¹⁹ Чичерин Б. Н. *Философия права*. СПб. : Наука, 1998. С. 84.

²⁰ Разина Е. В. Мораль и право: проблема взаимодействия и взаимодополнения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2591—2595.

мова, одного из немногих отечественных авторов, специализирующихся на исследовании данной темы: «Право по определению вторично по отношению к нравственности, дополняет ее, но вот сама нравственность не может рассматриваться как простое дополнение по отношению к праву. По существу, представляя человеческое в человеке, она во всех случаях призвана пронизывать последнее, в общем, определять само русло его развития и совершенствования. В этом смысле оправдана и прицельная нравственно-философская экспертиза теории и практики права»²¹.

3

Соотношение морали и права — предмет не только научных дискуссий. Эта проблема является также важным элементом общественного сознания. Подобно тому, как специалисты не могут обойти ее и не могут ответить на вопрос, что такое право, не соотнося его с моралью, так и общественное сознание не может не иметь своей определенной позиции по данной проблеме. Более того, соотношение, противоречивая взаимосвязанность морали и права являются важной и постоянной академической темой именно в качестве острой общественной проблемы. Аморализм и преступность — не одно и то же, не все, что считается аморальным, рассматривается как преступление, и не все, что считается преступным, признается в качестве морального зла. Точно так же никогда полностью не совпадают между собой поведение легальное и добродетельное. Допустимая, общественно приемлемая мера расхождения между ними — величина подвижная, конкретная, она меняется от эпохи к эпохе, от народа к народу, от поколения к поколению, от государства к государству. Эту меру в ее общих параметрах описывают ученые, а в своей исторически-конкретной данности фиксирует общественное сознание в форме преобладающих ценностных установок допустимого и должного поведения. Если говорить о современном российском обществе, то в нем, насколько можно судить, исходя из некой очевидности, и в научных кругах, и на уровне повседневного сознания господствует убеждение, согласно которому мораль и право — это разные, хотя и близкие друг другу, формы регуляции поведения людей, взаи-

модействие которых осуществляется на основе того, что мораль выше права.

Приведу два утверждения из авторитетных публичных текстов, где прямо говорится об этом (я не указываю имена и источники, ибо в данном случае они интересны не как авторская позиция, а как широко распространенная точка зрения, выражение преобладающей установки в научном и общественном мнении). Вот первая из них: «Мы признаем права человека, но до тех пор, пока они не противоречат принципам добра». Оставим в стороне первое недоумение, возникающее в связи с тем, что в данном утверждении права человека выносятся за рамки понятия добра, как если бы они сами не обладали нравственной ценностью. Отметим другое: добро здесь выступает как некое ограничивающее условие по отношению к правам человека, которые на сегодняшний день считаются базовыми юридическими нормами, закрепленными международным правом, и которые в приведенном утверждении рассматриваются именно как правовые установки, а не моральные ценности. Другое утверждение звучит так: «Легитимность права обеспечивается его соответствием общественной морали». В данной формулировке, допускающей различные толкования, несомненно заложена также мысль, согласно которой мораль, уточненная как общественная мораль, выступает в качестве критерия, позволяющего идентифицировать правовую сущность законодательства.

В приведенных утверждениях предполагается, что по крайней мере в каких-то отношениях мораль может выступать в качестве критерия (ограничения, корректирующей инстанции) по отношению к праву. Но для этого она сама должна быть легко идентифицируемой и обладать не просто достаточной, а более высокой, чем право, степенью точности и определенности. Однако существуют как минимум два взаимосвязанных и не решенных на данный момент, а может быть, и вовсе непреодолимых, затруднения, которые показывают, что мораль не обладает такой определенностью и точностью и не позволяет рассматривать ее как более высокую апелляционную инстанцию при оценке доброкачественности законодательной деятельности.

²¹ Артемов. В. М. Нравственное измерение и человеческий потенциал прав, политики, общества в целом // Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. М. : Проспект, 2017. С. 20.

Во-первых, мораль в современном сложном, многократно дифференцированном обществе, как Российская Федерация, не есть нечто гомогенное и очевидное: она многозначна, многообразна, имеет много уровней и аспектов. Представления о добре и зле различаются не только между обществами, но и между индивидами. В своей непосредственной явленности мораль отличается удивительным разнообразием. Рассмотренная с объективной (в частности, социологической) точки зрения, она предстает как совокупность нравов, столь же разнообразных, сколь разнообразны более или менее устойчивые человеческие группы. Понятие нравственности, призванное раскрыть их общую основу и выработать единый взгляд на пестрый мир нравов, неизбежно оказывается философски обусловленным. Оно привязано к различным философским традициям и в большей мере зависит именно от них, чем от эмпирически фиксированной фактичности нравственной жизни. Вернее даже сказать, они в скрытой форме воспроизводят фактическую пестроту и субъективность реально практикуемых нравов. В реальности существуют не одно, а много понятий морали, которые, хотя они часто расходятся между собой до такой степени, что одно исключает другое, как, например, кантианская и утилитаристская версии, тем не менее на весах научных и публичных предпочтений оказываются соразмерными. Во всяком случае, мы можем сказать не о том, что есть мораль с точки зрения специалистов, а только о том, о чем они спорят, когда определяют мораль. И мир их мнений, может быть, и не столь пестр, как мир нравов, но достоверно очень далек от однозначности, а тем самым и от того, чтобы быть точкой отсчета и оценки правовых реалий.

Во-вторых, никто не может авторитетно выступать от имени общественной морали, исторически не сложились и, по сути, невозможны субъекты, которые в рамках разумного разделения труда были бы уполномочены (сертифицированы) обществом делать это. Те же, кто берет на себя такую роль, в ком, следует заметить, никогда не было недостатка, именно по этой самой причине неизменно теряют как раз моральный авторитет, как это многократно происходило и постоянно происходит с уважаемыми некогда людьми и организациями. Еще Сократ, первый, кто специально и глубоко исследовал понятие морали, и один из немногих, кто в истории европейской культуры

в силу нравственной чистоты своего поведения и безусловного морального авторитета мог бы претендовать на роль учителя морали, отказывался от такой роли. Учителя добродетели, считал он, вообще невозможны, ибо добродетель в силу самой природы не может быть предметом профессиональной компетенции и обучения. Нравственное воспитание начинается тогда, когда перестают пользоваться словами, говорил Альберт Швейцер. Моральные люди не любят учительствовать. Но именно поэтому люди не любят учительствующих моралистов. Тот факт, что не существует признанного, научно удостоверенного или общественно санкционированного субъекта морали, означает, что каждый ответственно действующий индивид или группа людей могут считать себя таким субъектом и вправе судить о нравственности.

Словом, мораль в том, что касается самого способа ее существования, мораль как реальный объект и предмет науки значительно уступает праву в ясности и определенности и уже по этой причине, не говоря об остальных, не может быть критерием (основанием, измерением, пределом) по отношению к нему.

Отнюдь не однозначен также вопрос о том, какая сторона во взаимодействии морали и права является преобладающей, базовой и можно ли вообще в этом случае говорить о приоритете. Мораль, разумеется, воздействует на право, можно сказать даже является его пределом в том смысле, что законодатель не может не считаться с бытующими нравами, игнорировать их. Но ведь имеет место и обратное влияние. Более того, в своем стремлении адекватно ответить на вопросы, что такое мораль, каково состояние общественной морали, что понимать под общим благом, нам пришлось бы обратиться, помимо других источников, также и даже в первую очередь к действующему праву и законодательству. Право само по себе и есть одно из концентрированных выражений господствующих в обществе моральных представлений. Без него никогда в обществе не сформировалась бы единая нравственно-нормативная система, мы остались бы на уровне различных местечковых, фрагментированных обычаев, своего рода морального фольклора. Роль законодательно оформленного правового регулирования в становлении единой общественной морали особенно очевидна и велика в Новое время, эпоху становления и развития национальных государств. И когда мы хотим выйти за пределы права, чтобы

найти его критерии в общественной морали, мы, мне кажется, с одной стороны, переводим вопрос в область неопределенности и субъективной многозначности, а с другой — неизбежно попадаем в заколдованный круг. Говоря о взаимодействии морали и права, надо иметь в виду, что это — именно взаимный процесс. И нет серьезных аргументов полагать, что мораль является в этом процессе более активной и превалирующей стороной.

Общественная мораль и право в целом, если брать тип их взаимосвязи, ссылаются друг на друга. Это является свидетельством того, что они представляют собой разный взгляд на один и тот же предмет. Как говорили древние философы, если даже отменят все законы, это не повлияет на поведение мудреца, так как он руководствуется нравственными соображениями и сам несет в себе критерии должного поведения. Мудрецу не нужны законы. В то же время мыслители Нового времени допускали возможность столь совершенного правового регулирования общественной жизни, которое оставалось бы действенным, даже если бы народ был дьявольским. Согласно этой логике при хорошо работающих хороших законах нет нужды в мудрецах, вообще в моральных мотивах.

4

Говоря о формуле взаимодействия морали и права, запечатленной в приведенных выше примерах, следует заметить, что ее уязвимость не только в том, что она недостаточно учитывает взаимный характер отношений между ними, а именно игнорирует воздействие права на формирование общих моральных представлений. Более существенно другое: в ней мораль рассматривается как нечто более широкое по своему охвату и более высокое по своему ценностному статусу, чем право. Такой взгляд нельзя, конечно, считать надуманным или ошибочным, он вполне традиционен, укоренен в языке и общественном сознании, закреплен в уже отчасти упоминавшихся авторитетных теоретических опытах. Словом, он исторически обусловлен. В частности, связан с двумя существенными особенностями организации общественной жизни.

Во-первых, жизнь человека и общества традиционно, начиная с древности и вплоть до последних десятилетий, рассматривалась в некой идеальной перспективе; сама эта перспектива, ее вектор, степень выраженности и реальности, характер обоснования и наглядные

образы понимались по-разному, но в любом случае историческая перспектива мыслилась идеальной, противостоящей наличному положению вещей, свободной от несправедливости и злодеяний. Поэтому право, законодательная принудительность мыслились в качестве вынужденного, но отнюдь не желательного состояния, в наиболее радикальных утопиях они рассматривались как исторически преходящее явление. Выражением такой принципиально критической установки по отношению к праву можно считать народные представления о коррумпированном суде, как, например, в русском фольклорном образе Шемякина суда, и теоретическую интерпретацию права как законодательной оформленной власти господствующих классов в марксизме. Во-вторых, степень охвата человеческих действий правовым регулированием постоянно расширялась, но вплоть до настоящего времени не была исчерпывающей; всегда оставались заметные фрагменты, которые поддерживались традицией и обычаем и относительно которых предполагалось, что они в принципе не нуждаются в правовой санкции. Соловьев, например, такой сферой считал область личных отношений.

В современных условиях ситуация в обоих этих аспектах качественно изменилась. Социальная мысль и, что важнее, общественное сознание, если иметь в виду, разумеется, их общую направленность, отказались от вдохновляющих утопий, от представлений об идеальном будущем без преступлений и социальной несправедливости. Отказались отчасти в силу удовлетворенности достигнутым состоянием общества, а еще более в силу опытов исторических разочарований и научной трезвости социальной мысли, утверждающей невозможность идеальной по нравственным критериям организации совместной жизни больших масс людей, вообще идеальных социумов. Соответствующим образом право рассматривается уже не как исторически преходящая ступень общественной жизни, а как ее неизменный атрибут. Получило широкое распространение и в значительной мере стало точкой зрения здравого смысла убеждение, что плохо функционирующее законодательство лучше беззакония. Плюс к тому укрепляется вера в правовое начало, в то, что право является адекватной формой общественного жизнеустройства, реализующей свободу как фундаментальную человеческую ценность. Именно с правом сегодня люди в своем большинстве связывают наиболее же-

лательное будущее в социальном плане, что, например, находит отражение в концепциях правового государства, верховенства права.

Вопрос не в том, насколько обоснованны такие представления и теории, вопрос, который нас интересует в этом рассуждении, иной: люди сегодня уверовали в право, по крайней мере хотят верить в него. Что касается второго аспекта, а именно объема правового регулирования, то он, если исходить из господствующих теоретических представлений и практических установок, также стал предельно (как кажется многим консервативно настроенным людям, слишком) широким. Сегодня мы не можем назвать таких сфер жизни и таких классов действий, которые принципиально не поддавались бы законодательному регулированию и которые считаются для него табуированными. И если есть такие закрытые области, как, например, тайна переписки, то они остаются таковыми только в той мере, в какой законодательно признаются, оформляются и поддерживаются в этом качестве правовыми механизмами. Подобно тому, как человек считается родившимся и умершим со всеми вытекающими отсюда общественными следствиями только тогда, когда эти природные факты приобретают юридический статус, благодаря чему они и становятся фактами общественного бытия, точно так же все, что человек делает в течение самой жизни, включается в ткань общественной жизни не иначе, как получив юридическую санкцию. Раз это так, то мораль и право не могут быть разведены по горизонтали, когда, например, одна совокупность действий подлечит моральному регулированию, а другая — правовому.

Эти изменения места и значения права в человеческой жизнедеятельности являются одними из наиболее глубинных, которые произошли в целом в современном мире и которые пришли в Россию вместе с ее возвращением в русло капиталистической формации. Излишне говорить, что речь идет о действительно историческом вызове, предполагающем и требующем овладения качественно новыми интеллектуальными решениями и социально-психологическими механизмами. В рамках интересующей нас темы встает вопрос о новой модели взаимодействия морали и права и даже, более того, вопрос о том, остаются ли еще почва и необходимость для их взаимодействия и, если да, то в чем это выражается. В самом деле, зачем праву нужна еще мораль,

если оно сама своими средствами достигает равенства людей в свободе, обеспечивая тем самым их совместную жизнь?! Разве это не будет признанием его слабости, свидетельством недостаточности присущих ему средств для выполнения своих целей?! Во всяком случае, становится ясно: если ответственно и серьезно относиться к тому, что все существующее в человеческом мире получает свою легитимность в качестве фактов общественного бытия только после того, как приобретает предварительно легальную (юридическую) форму, и не ставить при этом под сомнение мораль, ее ценность и необходимость, то становится ясно, что право и мораль не могут быть выстроены ни в последовательный исторический ряд, ни по горизонтали в качестве дополняющих (продолжающих) друг друга звеньев общественных отношений. Если говорить об историческом аспекте и иметь в виду будущее, то право проникает в него вполне активно и на всю видимую глубину, оно гарантировало свое будущее даже более надежно, чем мораль, взяв его в значительной степени под свой контроль, законодательно гарантируя, например, права еще не родившихся поколений, сохранение климата. Да и в прошлом право укоренилось более основательно, чем считалось ранее: вопреки представлениям, что были некогда золотые времена, когда уже была мораль, но еще не было права, в действительности в ту все еще туманную для нас первоначальную эпоху не было и морали, а практиковалось нечто синкретичное, из чего впоследствии выросли и право и мораль, подобно тому, как из одной косточки образуются разные ветви дерева. Что касается горизонтали общественных отношений, то здесь вопрос о взаимно дополняющем соотношении морали и права отпадает по той уже упомянутой выше причине, что на ней нет звеньев (участков), которые не поддаются правовому регулированию.

5

В многообразии частью приведенных выше суждений о соотношении морали и права, их близости и различии, о линии, соединяющей их между собой и одновременно отграничивающей друг от друга, превалирующим и наиболее убедительным является взгляд, согласно которому они охватывают свободную деятельность индивидов, отличаясь между собой тем, что мораль охватывает ее с внутренней стороны, а право — с внешней. При этом остает-

ся без ответа вопрос, почему они автономны, независимы друг от друга? Ведь совершенно очевидно, что внутренне основание поведения связано с его внешними проявлениями, фиксированными результатами, переходит в них, точно так же, как поведение, рассмотренное с его внешней стороны, является выражением и продолжением внутренних движущих сил. Внутреннее и внешнее в данном случае, как, впрочем, и во всех остальных, составляют взаимно обуславливающую друг друга диалектическую пару. Что же тем не менее заставляет рассматривать мораль и право так, как если бы они были самостоятельными и самодостаточными регулятивными механизмами? В поисках ответа на этот вопрос и выработки современной модели соотношения и взаимодействия морали и права, на мой взгляд, продуктивной могла бы быть философия поступка М. М. Бахтина, более конкретно — его учение об ответственности. Ценность такого экскурса, на мой взгляд, заключается в том, что он позволяет рассмотреть право как нечто соразмерное морали и противостоящее ей и в то же время саму мораль понять как то, что не является правом. При таком подходе проблема отношения морали к праву перемещается в центр философско-этических размышлений. Это позволяет этикам воспользоваться методическим приемом из арсенала юридического знания и рассмотреть понятие морали через призму права, осмыслить ее как не-право, подобно тому, как юристы определяют право сквозь призму морали, описывают его как не-мораль.

Согласно Бахтину у человека нет алиби-бытия. Человек есть существо активное, деятельное, он своими поступками включается в мир и не может уклониться от того, чтобы быть причастным ему, он должен долженствовать, словом, для него существовать, быть — значит поступать. Поступок — вот базовая категория бытия человека. В нем, в человеке, все есть поступок: и мысль, и чувство, и дело, и взгляд, все (и интеллектуальные, и эмоционально-волевые, и деловые) проявления его активности, вся его жизнь. Поступок связывает индивида с миром: мир — не то, что окружает человека, находится вне него, мир есть то, в чем он совершает поступок, придавая ему целостность, размерность, пространственно-временную определенность, превращая его в событие, центрированное поступком. Архимеду приписываются слова: дайте мне точку

опоры и я переверну Землю. Но ни на Земле, ни в мире самих по себе нет центра, который мог бы стать точкой опоры для человека. Такой точкой, центром для него является он сам в его деятельном выражении, в поступке, превращающем бытие в событие.

Поступком человек включен в бытие и благодаря ему оно (бытие) становится бытием для нас. Поступок есть явленность жизни. Мир, в котором совершается поступок, предстает как мир культуры, ибо живущий человеческой жизнью индивид имеет дело не с миром самим по себе, а с миром более или менее освоенным, поименованным, эмоционально окрашенным, он имеет дело с миром культуры. Жизнь и культура соединяются, переходят друг в друга: мир культуры становится живым (одухотворенным, субъективным, деятельным, относительным, хрупким), а жизнь включается в культуру и навечно (абсолютно, неотвратно, объективно) становится моментом мира самого по себе. Поступок, по Бахтину, или по крайней мере по тому, как я понимаю этого великого философа, является философским первопринципом, раскрывающим бытие как бытие человека и одновременно позволяющим понять человека как способ существования бытия.

Чтобы понять поступок как человеческое дело, в нем надо различать сам факт поступка и его содержание (смысл). Основополагающей характеристикой поступка и его существенным признаком является то, что он, словно древний бог входов и выходов Янус, развернут в две противоположные стороны — в живого действующего субъекта (индивида) и во внешний объективированный мир культуры. Бытие поступка, сам факт его существования определяются действующим субъектом, живым индивидом, его произволом, способностью принимать решение, действовать, его долженствующей сущностью. Содержание, смысл поступка определяются (детерминируются) миром культуры, его объективной логикой, закономерным устройством. Поступок совершается живым индивидом, т.е. совершение поступка зависит целиком от него, от его свободного решения, но содержание поступка (его смысл, материя) задается исключительно внешним миром, является строго детерминированным. Труднейшая проблема теории и практики поступка состоит в соединении этих двух концов в единое целое, в том, чтобы раскрыть единый план поступка, понять его исходя из самого себя, а не выводить из чего-то вне поступка.

Если в понимании поступка двигаться от его содержания (смысла, материи), то невозможно дойти до его бытия, самого факта поступка, и тем самым поступок не сложится в целое, его концы останутся разорванными. Из понятия вещи нельзя вывести ее бытие, точно так же, как из общей нормы нельзя вывести конкретный поступок. Из того обстоятельства, что та или иная норма является важной, ценной, общезначимой, высоко нравственной, истинной и т.д., совершенно не вытекает, что именно я, конкретный индивид на своем единственном месте, должен следовать ей. Понятие любви не говорит, кого полюбит тот или иной индивид. Карта города не содержит указания на то, куда мне сегодня пойти. Словом, из содержания поступка невозможно перебросить мост к его факту. Иное дело, если взять за исходный пункт факт поступка, решение и решимость совершить его. В этом случае неизбежным будет переход к содержанию поступка, его смыслу, материи: ведь само решение не может быть ничем иным, как решимостью совершить именно данный поступок, вполне конкретный в своем предметном содержании.

Разнозначность двух аспектов поступка, составляющих его внутреннюю архитектуру, Бахтин хорошо выразил афоризмом: «Меня обязывает не содержание обязательства, а моя подпись под ним». В самом деле, обязательство, рассмотренное с содержательной стороны, о чем бы ни шла речь, от категорического предписания до простой расписки, представляет собой лишь возможность, которая не заключает в себе живой энергии и совершенно равнодушна к тому, кто ею воспользуется и воспользуется ли вообще кто-либо. Обязательство вполне может остаться без подписи. Для ста талеров, если вернуться к этому ставшему знаменитым образу, все равно, в чьем кармане они окажутся и окажутся ли вообще в чьем-либо кармане. Какой бы завлекательной ни была книга, из нее мы никогда не вычитаем, кто будет ее читать; мы можем лишь нарисовать портрет предполагаемого читателя, однако это будет лишь абстрактный портрет, но никак не определенное конкретное лицо. Что же касается подписи, то она без обязательства не существует. Когда я подписываюсь, я подписываюсь под чем-то. Поступая, я поступаю определенным образом в определенном месте, в определенное время, по определенному поводу и т.д. Факт

поступка предполагает и требует ориентации в его содержании.

Двусторонность поступка, выражающаяся в том, что он отнесен, с одной стороны, к действующему субъекту, а с другой стороны, к внешнему миру культуры, придает двусторонний характер ответственности человека, которая расчленяется на нравственную и специальную. Нравственная ответственность есть ответственность за факт поступка, за само его бытие в мире. Она представляет собой взгляд на поступок изнутри, признание его своим, а себя его автором. В нравственной ответственности индивид утверждает себя в качестве основания поступка и возвышает до ступени морального субъекта — единственного виновника всех исходящих из него поступков. Нравственная ответственность, выражая и закрепляя субъектность индивида, в то же время является критерием ее подлинности, отделяющим действительно участливое отношение к миру от ложных попыток обеспечить себе алиби в бытии. Специальная ответственность есть ответственность за содержание поступка, она представляет собой взгляд на поступки с внешней стороны, имеет своим предметом адекватность, добротность действий, их техническое совершенство. Она связана со знанием предмета, мастерством, умением, профессионализмом и т.д. Нравственная ответственность и специальная ответственность составляют два аспекта одной и той же ответственности, соединенные между собой таким образом, что специальная ответственность является вторичным, приобщенным моментом нравственной ответственности. Нравственная ответственность не может существовать сама по себе, она всегда специализируется, переходит в специальную ответственность за содержание поступка, воплощается в ней.

Самый важный момент состоит в следующем: нравственная ответственность не замкнута на какую-то особую совокупность поступков, она охватывает все поступки, выражая их отнесенность к действующему субъекту как к их последней решающей причине; она в силу этого не существует отдельно от специальной ответственности, выражающей содержательную добротность, качество поступков, она переходит в специальную ответственность, материализуется в ней.

Это расчлененное единство двух форм ответственности (нравственной и специальной) хорошо видно на примере интересующей нас

темы морали и права. Правовая ответственность, несомненно, принадлежит области специальной ответственности, а именно фиксирует легальность поступков, их отнесенность к господствующим правовым представлениям и юридическим нормам. Любой поступок подлежит и нравственной оценке, и правовой оценке: они, эти два вида оценки, независимы друг от друга, и каждая выдержана в своей логике и подчиняется своим критериям. Нравственная оценка имеет дело с самим фактом поступка, с его субъектностью, говоря точнее, с тем, что это — мой поступок. Она выражает внутренний взгляд на поступок, заключается в безусловном признании поступка как совершенного мной самим, а самого себя без ограничения ответственным за его бытие в мире. Правовая оценка и правовая ответственность охватывают законность поступка, рассматривают его объективно, с внешней стороны, как говорится, невзирая на лица. Нравственная оценка и ответственность не зависят от правовой оценки и ответственности, ибо поступок остается моим независимо от степени его легальности, он мой, я совершил его и в том случае, если он юридически безупречен, и в том случае, если он преступен. Точно так же правовая оценка и ответственность поступка не зависят от внутреннего отношения к нему того, кто совершил его.

6

Учение Бахтина о поступке, о двух его аспектах и формах ответственности может, на мой взгляд, стать методологической основой для нового подхода к вопросу о соотношении морали и права. Оно позволяет точнее понять, как и почему мораль и право автономны в своей связанности. Ведь и мораль, и право имеют своим предметом человеческие поступки, рассмотренные в одном случае со стороны порождающего их субъекта, а в другом — со стороны их внешнего результата. Нравственность выражает ответственность за факт поступка и обязывает индивида рассматривать его как собственное порождение. Право рассматривает персональную ответственность за содержание, внешний результат поступка. Так как живые индивиды не могут не поступать и поступки не могут не быть порождаемы конкретными живыми индивидами, то мораль и право связаны между собой, ибо имеют дело с одним и тем же предметом. Но, так как факт поступка и его содержание имеют разные ис-

точники и основания, то мораль и право, первая из которых фиксирует субъектность поступка, а второе — его объективированный смысл, функционируют вполне автономно, независимо друг от друга.

Поступок как связь живого индивида с миром, специфически человеческий способ бытия существует в пространстве отношений человека с другими людьми, он задает само это пространство. Мораль и право рассматривают поступок именно под углом зрения того, как он конституирует отношения между людьми. Их подлинным предметом являются именно живые, персонально выраженные, индивидуализированные отношения между людьми. Как понимаются эти отношения, в чем усматриваются их основания и какие нормативные механизмы задаются для их поддержания — вот что является подлинной линией разграничения морали и права, придающей каждой из них самодостаточный, автономный характер.

Если взять самый существенный признак, то он состоит в следующем. Мораль придает отношениям индивида к другим людям предельно односторонний и субъективный (субъектный) характер, а именно вменяет их в вину и ответственность самому действующему индивиду. Она представляет собой взгляд действующего индивида на поступок изнутри, усматривающий задаваемые этим поступком отношения с другими людьми как то, что зависит от него самого и сформировано им самим. Мораль не устанавливает отношения с другими, она создает других, для нее другие — это всегда *свои* другие. В морали индивид утверждается в своей единственности, он оказывается в центре, в центре не в том, конечно, эгоистически вывороченном поглощающем смысле, что все для него, а в том бытийно-созидательном, творческом смысле, что все из него.

Право рассматривает отношения между людьми как объективированный процесс. Оно смотрит на поступки и задаваемые ими отношения между людьми извне, с некой точки, которая находится вне этих поступков и вне этих людей. Оно децентрирует отношения между индивидами, выравнивает их, подводит под некое стоящее над ними основание. Оно тоже имеет дело с индивидами, но с индивидами в их единичности, серийности, как экземплярами рода; как пишет известный отечественный правовед Г. А. Гаджиев, «живой человек в суде превращается в абстракт-

ное лицо с определенными интересами»²². Задача права состоит в том, чтобы уравновесить отношения между ними. Право в соответствии с известной формулой призвано дать простор свободе индивида, снимая с ее пути все преграды, кроме тех, которые налагаются свободой другого. А для этого оно само по отношению к ним должно стать третьим. За правом как регулятивным механизмом стоят отношения индивидов, которые потеряли непосредственный характер и предполагают вмешательство со стороны, которые не могут состояться иначе, как через посредство безличных норм и нейтральных судей. Все привычные признаки права (равная мера свободы, справедливость, принудительность, государственная форма институционализации) приобретают специфически правовой харак-

тер при уточнении, что все они опосредованы общеобязательной системой норм. Именно дозволения и запреты, равно как и стоящая на их страже строго оформленная процедура правосудия, или, говоря по-другому, внешняя нормативная заданность и контролируемость поведения индивидов специфичны для права и отличают его от морали. В этом смысле отнесенность к праву можно рассматривать как один из способов выявления природы морали, которую в этом смысле можно определить как то, что не является правом.

Последнее утверждение не относится к общественной морали и этически аргументированным нормативным программам — их отнесенность с правом предполагает отдельное рассмотрение и требует дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Теория права. — М. : Бек, 1995. — 320 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1984. — Т. 4.
3. Артемов В. М. Нравственное измерение и человеческий потенциал права, политики, общества в целом // Нравственное измерение и человеческий потенциал права : сборник научных трудов / отв. ред. В. М. Артемов. — М. : Проспект, 2017. — С. 15—23.
4. Баренбойм П. Соотношение доктрин Верховенства права и Правового государства как главный вопрос философии права и конституционализма. — М. : ЛУМ, 2013. — 128 с.
5. Гаджиев Г. А. Юридическая картина мира. — СПб. : СПбГУП, 2016. — 32 с.
6. Еллинек Г. Общее учение о государстве : учебное пособие. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 752 с.
7. Зорькин В. Д. Суть права // Вопросы философии. — 2018. — № 1. — С. 5—16.
8. Кант И. Метафизика нравственности // Соч. : в 6 т. — М. : Мысль, 1965. — Т. 4 (2).
9. Лапаева В. В. Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера // Правоведение. — 2013. — № 2 (307). — С. 241—256.
10. Лукашева Е. А. Взаимодействие права и морали: общее и особенное // Взаимодействие права и морали : материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — С. 11—17.
11. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М. : Норма, 2008. — 550 с.
12. Михайловский И. В. Очерки философии права. — Томск : Издание книжного магазина В. М. Посохина, 1914. — Т. 1. — 632 с.
13. Нерсисянц В. С. Право // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М. : Мысль, 2010. — Т. 3.
14. Нерсисянц В. С. Право — математика свободы. — М. : Юрист, 1996. — 157 с.
15. Право и национальные традиции : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. — 2016. — № 12. — С. 5—41.
16. Разина Е. В. Мораль и право: проблема взаимодействия и взаимодополнения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2017. — Т. 39. — С. 2591—2595.

²² Гаджиев Г. А. Юридическая картина мира. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 5.

Вводя для обозначений правовой сферы предельно широкое понятие юридического мира, Гаджиев характеризует его как «конфликтный сектор жизни» (там же. С. 6). Соответственно, назначение права в том, чтобы предложить абстрактный, т.е. возвышающийся над конфликтующими сторонами и независимый от них способ разрешения конфликтов.

17. Соловьев В. С. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 1.
18. Фуллер Л. Позитивизм и верность праву: Ответ профессору Харту // Правоведение. — 2005. — № 6. — С. 124—159.
19. Харт Г. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. — 2005. — № 5. — С. 104—136.
20. Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб. : Наука, 1998. — 656 с.
21. Recht und Moral // Spektrum. Universität Bayreuth. 10. Jahrgang. — Ausgabe 1. — April 2014. — S. 7—45.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2018 г.

MORALITY AND LAW: A DEMARCATION LINE

GUSEYNOV Abdusalam Abdulkerimovich — Doctor of Philosophy, Academician of the RAS, Institute of Philosophy of RAS
guseinov@iph.ras.ru
109240, Russia, Moscow, ul. Goncharnaya, d. 12/1

Abstract. *The article gives a brief overview of historical approaches and contemporary views with respect of the problem of interrelation between morality and law. It is shown that, both in the contemporary domestic literature and in the public consciousness, the prevailing view is that morality, being wider and higher than the law, acts as its limit and demarcation. The author shows the historical conditioning of that point of view. The author suggests that we should apply the approach according to which morality and law, dealing with the same subject—the actions of living individuals and personally fixed relationships between people—become independent of each other, autonomous forms of oughtness. The conclusion is drawn that the law treats relations between people as a bilateral process and mediates them applying the universal norm and independent justice, while morality holds an individual guilty and responsible.*

Keywords: *morality, law, ethics, freedom, act, responsibility, Kant, Bakhtin.*

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Teoriya prava [Theory of Law]. Moscow, Bek Publ., 1995. 320 p.
2. Aristotle. Nikomakhova etika [The Nicomachean ethics]. Aristotle. Works: Moscow, Mysl Publ., 1984. Vol. 4.
3. Artemov V. M. Nравственное измерение i chelovecheskiy potentsial prava, politiki, obshchestva v tselom. Nравственное измерение i chelovecheskiy potentsial prava : sbornik nauchnykh trudov [The moral dimension and human potential of law, politics, society as a whole. The moral dimension and human potential of law: Collection of scientific works]. V.M. Artemov (ed.). Moscow, Prospekt Publ., 2017. P. 15—23.
4. Barenboim P. Sootnoshenie doktrin verkhovenstva prava i pravovogo gosudarstva kak glavnyy vopros filosofii prava i konstitutsionalizma [The interrelation between the doctrines of the Rule of Law and the Rule-of-Law State as the Main Issue of the Philosophy of Law and Constitutionalism. Moscow, LUM Publ., 2013. 128 p.
5. Gadzhiyev G.A. Yuridicheskaya kartina mira [The Legal Picture of the World]. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2016. 32 p.
6. Jellinek G. Obshchee uchenie o gosudarstve : uchebnoe posobie [General Doctrine of the State: A Study Guide]. St. Petersburg. Yuridicheskiy tsentr Press, 2004. 752 p.
7. Zorkin V.D. Sut' Prava [The Essence of Law]. Voprosy Filosofii [Russian Studies in Philosophy]. 2018. No. 1. P. 5—16.
8. Kant I. Metafizika нравственности [Metaphysics of Morality]. Kant I. Works. in 4 Vol. Moscow, Mysl' Publ., 1965. Vol. 4 (2).
9. Lapaeva V.V. Sootnoshenie prava i morali v pravovoy kontseptsii L. Fullera [The Correlation of Law and Morality in L.Fuller Legal Doctrine]. Pravedenie. 2013. No. 2 (307). P. 241—256.
10. Lukasheva E.A. Vzaimodeystvie prava i morali: obshchee i osobennoe [Interaction of Law and Morality: General and Special. Vzaimodeystvie prava i morali : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii

- [Interaction of law and morality: Proceedings of the International Scientific Conference. T.A. Soshnikova (ed.). Moscow, Moscow Humanitarian University Publ., 2014. P. 11—17.
11. Maltsev G.V. Nravstvennye osnovaniya prava [Moral Fundamentals of Law]. Moscow, Norma Publ. 2008. 550 с.
 12. Mikhailovsky I.V. Ocherki filosofii prava [Essays on the Philosophy of Law]. Tomsk, V.M. Posokhin's Bookstore Publishing House, 1914. Vol. 1. 632 p.
 13. Nersesyants V.S. Pravo [Law]. Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. [New Philosophical Encyclopedia : in 4 Volumes]. Moscow, Mysl Publ., 2010. Vol. 3.
 14. Nersesyants V.S. Pravo — matematika svobody [Law is the mathematics of freedom]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 157 p.
 15. Pravo i natsionalnye traditsii : materialy “kruglogo stola” [Law and National Traditions: “Round Table” Proceedings]. *Voprosy Filosofii [Russian Studies in Philosophy]*. 2016. No. 12. P. 5—41.
 16. Razina E.V. Moral i pravo: problema vzaimodeystviya i vzaimodopolneniya [Morality and Law: The Problem of Interaction and complementarity]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» [Scientific and methodical e-journal “Koncept”]*. 2017. Vol. 39. P. 2591—2595.
 17. Soloviev V.S. Opravdanie dobra [Justification of the Good]. Soloviev V.S. Works : in 2 volumes. Moscow, Mysl Publ., 1988. Vol. 1.
 18. Fuller L. Pozitivizm i vernost pravu: otvet professoru Khartu [Positivism and Fidelity to Law: Response to Prof. Hart]. *Pravovedenie*. 2005. No. 6. P. 124—159.
 19. Hart G. Pozitivizm i razgranichenie prava i morali [Positivism and the delineation of law and morality]. *Pravovedenie*. 2005. No. 5. P. 104—136.
 20. Chicherin B.N. Philosophy of Law. St.Petersburg, Nauka Publ., 1998. 656 p.
 21. Recht und Moral. Spektrum. Universität Bayreuth. 10. Jahrgang. Ausgabe 1. April 2014. P. 7-45.